



И. Г. ЭРЕНБУРГ

Оттепель

<Фрагменты>

<...>

Сослуживцы Соколовского, как и бывший директор, считали Евгения Владимировича чудаком. Даже внешность у него странная: высокий, чересчур высокий, военная выправка, седые волосы ежиком, голубые глаза на лице цвета меди, так что и зимой кажется, что он только что приехал с юга, на левой щеке шрам, в зубах всегда короткая трубка с изгрызенным мундштуком, хотя курит он мало и только у себя дома. Работает и молчит. Слушает, как Брайнин спорит с Егоровым, укротят ли американцы Черчилля, — и молчит. Водку пьет и опять-таки молчит. Правда, никто особенно не старается его вызвать на разговор: может любого подцепить, язык у него острый.

Товарищи, не первый год работавшие с Соколовским, мало что о нем знали. Говорили, что он родом с Севера, отец его рыбачил; шрам у него с гражданской войны; он любит музыку, будто бы увлекается астрономией; была у него семья, но жена не выдержала его характера и сбежала; дома у него маленькая злющая собачонка; три года назад он должен был получить премию, но кто-то перехватил его изобретение. Твердо знали одно: прежде он работал на Урале, изругал директора, тот смешал его с грязью, даже фельетон был в газете «Гол, но сокол», в котором говорилось, что Евгений Владимирович возомнил себя мудрецом, а на самом деле он неуч; дело долго разбирали в Москве, в итоге Соколовского прислали сюда.<...>

Он страдал бессонницей — засыпал сразу, но среди ночи просыпался, не мог ни снова уснуть, ни встать, и в эти часы он

вспоминал каждую встречу с Верой Григорьевной, радости — они оба часто с удивлением и признательностью думали, что в их суждениях, вкусах, пристрастиях много общего, — обмолвки, недоразумения, ее отталкивание, холод, сердитые брови и ласковые глаза, горячие, непонятные, как грозовая ночь в конце лета. Соколовский долго не отдавал себе отчета, почему его привлекает Вера Григорьевна, но однажды, проснувшись задолго до рассвета, сказал себе: да ведь она моя любовь, поздняя, единственная! Всю жизнь мечтал о ней, ждал ее. Не скажу ей никогда об этом, приду завтра или через неделю, буду молчать или заговорю о Журавлеве, о жизни на Марсе, о Черчилле, о черте — все равно о чем, только этого не скажу. Счастье мое, мой вечер, моя страсть! Вера, — так и буду звать ее про себя, как я радуюсь, что дожил до тебя!..

Он не разрешал себе часто посещать ее, боясь ей наскучить, и каждый раз внутренне как бы готовился к встрече, радовался и томился, чувствовал, что ничего нет тяжелее тех слов, которые не сказаны. Вот он придет, посидит, потом Веру вызовут к больному, а если и не вызовут, он встанет — пора уходить, она его не будет удерживать, и потом недели тоски, страсти, ожидания...

Сегодня он сразу заметил, что пришел не вовремя. Вера расстроена, и он не узнает, почему, не сможет ее утешить.

<...>

